Записки на салфетках

Автор:
Гарт Каллахан

Записки на салфетках

Гарт Каллахан

Проект TRUE STORY. Книги, которые вдохновляют (Эксмо)

Распродажа! Все книги по одной цене из специальной подборки (https://www.litres.ru/kollekcii-knig/knizhnaya-lavka-bombory-vse-knigi-po-odnoy-cene-do-12-sentyabrya/?lfrom=201227127) до 12 сентября.

У Гарта Каллахана почти нет шансов увидеть, как его дочь Эмма взрослеет, заводит друзей, впервые влюбляется, танцует на выпускном балу. Он не знает, сколько еще дней проведет вместе с ней и любимой женой. Но он нашел способ оставаться на связи с близкими каждый день, даже если не сможет быть рядом. До окончания школы осталось 826 дней, и каждый день Эмма будет получать записку на салфетке, что бы ни случилось.

Гарт Каллахан

Записки на салфетках

© 2014 by W. Garth Callaghan.

© Мельник Э.И., перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Жизненные уроки, которые вы найдете на страницах книги

• Урок № 1. Научись принимать критику с достоинством

• Урок № 11. Выучи основные особенности устройства машины

• Урок № 17. Не садись пьяной за руль. Никогда

• Урок № 19. Заблудись в чужой стране, не зная местного языка

• Урок № 23. Читай рекомендованную литературу

• Урок № 27. Поработай официанткой

• Урок № 29. Научись смешивать фирменный коктейль

• Урок № 30. Не ешь мороженое, если только это не твой любимый вкус

• Урок № 31. Не употребляй наркотики

• Урок № 34. Иногда отказывайся от телефона

• Урок № 35. Помни, что вещи – это всего лишь вещи

• Урок № 38. Не спи с кем попало

• Урок № 40. Не работай на дурного руководителя

• Урок № 41. Если не можешь говорить о чем-то, то делать этого тем более не следует

• Урок № 44. Учись прощать

• Урок № 56. Умей отдать другу свой последний доллар

• Урок № 57. Будь лидером

• Урок № 58. Создай команду, которая лучше, чем ты

• Урок № 59. Помни, что необязательно стремиться к повышению по службе всеми силами

Вступление

Когда моя дочь была младенцем, я часто укачивал ее в кресле-качалке, которую мы любовно установили в ее детской специально для этой цели. Моя жена Лисса долгими часами кормила Эмму, поэтому я решил, что самое меньшее, что я могу сделать, – это взять на себя обязанности по укачиванию. Честно говоря, я лелеял эти драгоценные минуты, как сокровище. Тихие звуки, которые издавала Эмма, засыпая. То, как я любовался крохотными пальчиками, каждой волшебной ресничкой на ее глазках… Это было мое время. Качать, размышлять, наслаждаться.

Часто наша собака, Люси, сворачивалась клубком на коврике рядом с нами. Она любила Эмму и хотела всегда непременно находиться в той комнате, в которой была ее «сестричка».

Однажды, когда Эмма приближалась к своему первому дню рождения, но все еще позволяла мне укачивать ее перед сном, я присмотрелся к Люси. Не знаю, что навело меня на эту мысль, но я каким-то образом осознал: однажды мне придется объяснить Эмме, что Люси умерла. Люси в то время было три года, и, учитывая продолжительность жизни собак, я вычислил, что к восьмому дню рождения Эммы мне придется разбить сердце дочери. Мне придется каким-то образом найти слова, чтобы объяснить, почему Люси больше нет с нами.

Эта мысль довела меня до слез. Я не знал, как мне удастся с этим справиться. Хотя я был бы только рад делиться с Эммой радостями этого мира, мысль о том, что придется раскрывать ей глаза на его трагедии… Нет уж, спасибо!

Я и не догадывался, что в свое время мне придется четыре раза усаживать ее рядом и объяснять, что у меня рак. В сущности – четыре раза солгать ей, пытаясь обещать, что я это переживу. Нет, не переживу. Теперь я знаю, что этот рак меня убьет. Это только вопрос времени. Конечно, я хочу, чтобы этого времени было много, но недавно врачи сказали мне, что у меня есть лишь восьмипроцентный шанс прожить еще пять лет.

Нынче Эмме четырнадцать. У меня есть восьмипроцентный шанс увидеть, как она окончит школу.

Писать эти слова почти невозможно. Бывают моменты, когда я не могу смотреть в лицо реальности конца своей жизни. Я не боюсь смерти. Если бы у меня не было Эммы, я мог бы сказать: «Что ж, славная была гонка». Мне невыносима мысль о том, что я покину свою маленькую девочку, не окажусь рядом, чтобы наблюдать, как она взрослеет, советовать и наставлять, смеяться и шутить. Быть ее папой.

Так что мне пришлось найти другой путь. Я не знаю, сколько времени у меня осталось. Но я нашел способ каждый день давать ей знать, как она любима, как горячо я ее поддерживаю и как мне небезразлична та личность, которой она становится. Я пишу ей записки на салфетках, которые каждый день кладу в ее сумку с обедом.

Я пишу эту книгу, потому что ни один человек не знает, сколько времени ему осталось. Да, мы ходим по планете с надеждой на то, что неуязвимы; но все мы знаем, что у каждого жизнь может быть отобрана в мгновение ока. У меня есть «дар» сознавать, что конец близится. Я могу не торопясь подвести итоги и рассказать людям, которых я люблю, как много они для меня значат. Это единственное, что имеет значение. Дом, банковский счет, умения и навыки, профессия – все это неважно. Только долговечные отношения, которые мы строим. Вот и все. В этом все дело.

Эта книга – призыв. Пробудиться. Создать контакт. Делиться своими чувствами. Сделать тот телефонный звонок. Написать эту записку. Потому что я слишком хорошо знаю, как хрупка жизнь и как важно не торопясь создавать близкие отношения с теми, кого мы любим, пока мы еще здесь, пока мы еще можем это сделать.

Глава 1

Все началось с салфетки…

Дорогая Эмма, невозможно украсть вторую базу – и по-прежнему стоять ногой на первой.

С любовью, папа

Я неторопливо сложил салфетку и вложил ее в Эммину сумку для обедов. В последнее время мои записки обратились к бейсбольной теме. Эмма постепенно становилась заядлым игроком в софтбол, а я обожал использовать эти аналогии. Я считаю себя игроком, крадущим базы, всегда ищущим новые возможности, готовым увидеть, в каком новом направлении может устремиться жизнь. Но был в моей жизни один случай, когда я плелся еле-еле. Когда я не был готов бежать на вторую базу – несмотря на то, что именно это требовалось моей команде.

Моя жена Лисса на пять лет старше меня. Я всегда считал, что мне очень повезло, что она выбрала меня, молодого разгильдяя, в свои партнеры по жизни. (Интересно, что моя мама на пять лет старше папы.) Однако одной из трудностей в браке с женщиной старше по возрасту явилось то, что иногда мне приходилось прыгать в жизненные перемены раньше, чем я был к ним готов. Я первым из всей своей дружеской компании обзавелся собственным домом. Я женился намного раньше своих лучших друзей. Необходимость быть взрослым мне навязывали снова и снова.

В начале 1999 г. Лисса пришла ко мне и без обиняков сказала: «Пора». Разумеется, этому заявлению предшествовал не один долгий разговор, но настоящее значение имело только это слово. Пора было попытаться забеременеть. Мне было всего 29 лет, но Лиссе – уже 34, и время пришло. Мы были женаты всего пару лет, и я не был уверен, что готов к этому следующему шагу. Я давно мечтал о дочери, но представлял это как-то… в будущем. Когда я буду готов повзрослеть.

Я знал, что Лисса настроена серьезно. Откровенно говоря, я понимал, что начало этого приключения сулит мне немало удовольствий. Плюс к тому складывается

такое впечатление, что в наши дни ни одна пара не обходится без консультаций по планированию беременности, и я не думал, что мы сможем забеременеть сразу. У меня было время, чтобы подготовиться.

Хотя мы действительно не забеременели сразу, много времени на это не потребовалось. Начало приключения закончилось быстрее, чем я надеялся. Мне предстояло отцовство.

Следующие восемь с половиной месяцев пронеслись в вихре забот и приготовлений. Мы посещали всевозможные курсы. Мы выбирали педиатра. Мы проводили несчетные часы в магазинах в поисках «бодиков» для новорожденных и прочей младенческой атрибутики. Мы переоборудовали дом с учетом безопасности ребенка и подготовили детскую. (Совет всем будущим папам на свете: собирайте кроватку прямо в детской! Мне так понравилось ее собирать, что пришлось делать это дважды!)

И конечно, мы прочли все до единой книжки о детских именах, выпущенные в Северной Америке. Я серьезно склонялся к Элизабет или Мэтью. На самом деле я хотел бы выбрать Матиаса, немецкую версию Мэтью, но понимал, что в этой битве мне не победить. Я даже не пытался. Лисса быстро наложила вето на Элизабет из-за какой-то своей бывшей соседки по квартире, с которой у них не заладились отношения. Лиссе нравились Бенджамин и Хлоя. Увы, у нас был кот по кличке Бен, и после этого называть нашего сына Беном было… ну, как-то странно. Я наложил вето на имя Хлоя, поскольку живо воображал себе дразнилки на детской площадке: «У Хлои во рту помои».

После ультразвука на двадцатой неделе мы выяснили, что мои молитвы не остались без ответа. У нас будет девочка. Мое сердце едва не выскочило из груди, когда я сумел совместить конкретный образ с ребенком, растущим внутри Лиссы. Маленькая девочка. Наконец-то реальность отцовства начала казаться мне более привлекательной.

И теперь мы могли остановиться на конкретном имени. Мне всегда нравилось имя Клэр, ибо оно несло в себе ожидание ясности[1 - От латинского clara – «светлая, ясная».]. Лисса согласилась. Клэр Дилэйни Каллахан – вот какое имя должно было быть у нашей малышки.

Это была нелегкая беременность. Большую часть первых шести месяцев Лисса страдала от утреннего токсикоза. Она часто жаловалась, говоря, что не имеет значения, что выбирать на ужин, поскольку он все равно не задержится в ее желудке надолго. У Лиссы то и дело подскакивало кровяное давление, и существовала реальная угроза ее здоровью и жизни малышки. Я чувствовал себя потерянным, не зная, чем помочь, – как это случается со многими мужчинами. Моей задачей было подготовить дом к новому пополнению семьи, мотаться по разным неотложным делам и держаться подальше от всего остального.

Тот октябрьский вторник начался как ничем не примечательный обычный день. Я поехал на работу, а Лисса направилась в кабинет своего врача, чтобы проверить давление. Около полудня раздался звонок от Лиссы. Ее доктор был обеспокоен. Кровяное давление подползло к опасной зоне, и было решено, что нам надо рожать. Сегодня. Я тут же сорвался с работы и помчался в больницу. Лисса неловко поднялась с кресла, издали завидев меня в комнате ожидания. Глаза ее сверкали предвкушением. Мы оба улыбались. Настал день, когда мы познакомимся с нашей Клэр.

Как только Лиссу оформили в больнице, началось ожидание. Лиссе дали окситоцин, и мы ждали, пока он подействует. Жене было жарко, а я трясся в ознобе. Свернулся калачиком на маленьком диванчике, полностью одетый, и укрылся одеялом. Окситоцин действовал медленно. Мы посмотрели утренние новости, потом игровые шоу-программы. Я тревожился и чувствовал себя совершенно бесполезным. Я мог носить Лиссе лед в кубиках, но помимо этого мне было нечем заняться. Врачи и медсестры приходили и уходили, каждый бросал взгляд на таблицы и аппараты, проверяя, как развиваются события. После того как мы сутки провели в больнице, наконец настало время потуг.

Я был не готов.

Хотя Лиссе, наверное, помнится, что потуги длились вечность, единственное, что я помню, – это как доктор внезапно протягивает мне некий инструмент и помогает выжать кровь из пуповины, чтобы я мог ее перерезать. Я вовсе не собирался ее перерезать! Я совершенно четко сказал врачу, что я не хочу! Однако вот он я – в палате, полной медицинского персонала, и иного выбора у меня нет. Я сжал зубы и исполнил свой долг, тут же отступив назад, когда врач и сестры стали проводить тест Апгар. Наша малышка, Клэр, появилась на свет.

Я был не готов.

Я стоял там, точно парализованный. Я не только не знал, что делать, но и не хотел ничего делать. Все происходило слишком быстро.

Я был не готов.

Супруга тут же выдернула меня из ступора. «Иди к ней!» – попросила она, обездвиженная, лежа на больничной койке.

Я подошел к медсестрам, которые обихаживали Клэр, и очень-очень осторожно прикоснулся к ней. Я по-прежнему не знал, что мне делать, зато я присутствовал. До меня дошло – вот оно. Это происходит на самом деле. Я – отец…

Но моя борьба с этой реальностью продолжалась. После рождения Клэр я наконец поехал домой, чтобы поспать. Мне ужасно не хочется в этом признаваться, но на следующее утро я не торопился возвращаться в больницу. Я устроил себе славный тихий завтрак. Вывел собаку на прогулку. Я на самом деле не хотел возвращаться в больницу.

В конце концов мне позвонила жена со словами: «Э-э, милый, ты где?» Я поспешил обратно.

Время, проведенное в больнице, далось нам нелегко. У Клэр был высокий уровень билирубина, и ей пришлось провести несколько часов первого же дня своей жизни в маленьком пластиковом контейнере для фототерапии. Она лежала там, наша бедная крохотуля, всего нескольких часов от роду, лежала в здоровенных очках, закрепленных на ее личике, чтобы лучи не повредили глазкам. Мы не могли ни взять ее на руки, ни прикоснуться к ней во время лечения, могли только бесконечно смотреть на нее сквозь окошко. Это была настоящая пытка. Однако это каким-то образом заставило меня начать признавать ее. Там была моя маленькая дочка, совершенно одна. Я был нужен ей. Она начинала казаться… моей.

Что на самом деле помогло мне совершить этот переход, – так это момент, когда мы наконец признались себе, что чем больше узнаем друг друга, чем больше

проводим времени с Клэр, тем отчетливее понимаем, что ее имя почему-то ей не подходит. Мы совершили ошибку. Наша малышка получила не свое имя, и это была наша вина! Мы робко спросили медсестру, что тут можно сделать. Я воображал себе горы бесконечных бумаг и даже обращение в суд, чтоб исправить эту ошибку. Сестра мягко улыбнулась и сказала нам, что это случается куда чаще, чем мы можем себе представить, и нужно заполнить одну-единственную форму, прежде чем мы покинем больницу.

Мы уехали в тот же день уже как семья, вместе с Эммой Клэр Каллахан. Не знаю, что такое было там с этим именем. Но стоило нам только поменять имя, стоило ей только стать Эммой, как она стала моей. Это была реальность.

Когда мы бережно упаковали ее в автомобильное креслице, когда Лисса осторожно опустилась на сиденье рядом с ней, я занял свое место за рулем: у меня наконец появилась важная работа, которую надо было сделать. Я вез свою семью домой.

Я взглянул в зеркальце заднего вида. Я не видел Эмму в ее креслице, но знал, что она там. Моя малышка. И мы направлялись домой.

Я был готов.

Дорогая Эмма, порой, когда мне нужно чудо, я заглядываю в твои глаза – и понимаю, что чудо я уже создал.

С любовью, папа.

Поначалу моя роль как отца заключалась в возне с горами подгузников, укачивании и утихомиривании и сосредоточивалась на кормлении, успокаивании и стараниях усыпить младенца. Но по мере того как Эмма росла, превращаясь в маленькую девочку, моя роль менялась. До меня вскоре дошло, что быть отцом – это далеко не только выбрать имя (а с этим я уже напортачил) и следить, чтобы ребенок был сыт. Я помогал формировать маленького человечка. От первых звуков к первым шажкам и первым словам – моя Эмма обзаводилась индивидуальностью. В ней росла маленькая личность. И моей задачей было подготовить ее для этого мира.

Это началось с осознания, что нам на самом деле придется учить ее отличать правильное от неправильного, что означало дисциплину. Я никогда не был в этом особенно силен. Она, бывало, просто взглянет на меня своими глазками, полными надежды, и, что бы она ни натворила, меня так и подмывает сдаться.

Не успел я оглянуться, как она пошла в школу, и часы, которые я ежедневно проводил с ней, значительно сократились. У нас было какое-то время утром, перед школой и работой, совсем немножко времени за ужином и укладыванием спать по вечерам, а еще те минуты, которые мы проводили вместе в машине, колеся по городу днем. Я только трижды в день мог непосредственно влиять на свою дочь: за завтраком, за ужином и перед сном. Если сложить все время, получалось… ну, может быть, один час в сутки.

Хотя я знал, что это неизбежно, если позволяешь ребенку развиваться и становиться независимым в этом мире, я скучал по моментам нашего тесного общения. По ощущению, что это я формирую ее день. Я знал, что теперь друзья и школа занимают большую часть времени ее бодрствования, становясь все более и более важными для нее. И хотел найти способ отвоевать себе местечко в ее загруженных днях.

Эмма всегда уделяла большое внимание еде. Не знаю, есть ли такой пунктик у других детей. Но Эмма выскакивала из кровати с одеялом в руках и спрашивала: «А что будет на ужин?»

Мне повезло работать в компании, которая поощряла нас проводить такое необходимое время с семьей. Так что я стал волонтером, помогавшим во время обедов в школе. Я вскрывал пакеты с молоком, выжимал на тарелки кетчуп, раздавал соломинки и вытирал лужицы. Это был самый напряженный час дня. Но он означал, что я смогу немножко посидеть с дочкой, познакомиться с ее друзьями и увидеть, как они взаимодействуют.

Это также означало, что я смогу увидеть, что она ест, когда покупает обед в кафетерии. И вскоре я стал ярым сторонником обедов, приносимых из дома.

Обычно я в любом случае первым встаю по утрам, поэтому стал настоящим специалистом по упаковке обедов. Я рубил, резал, смешивал и упаковывал. Я старался подложить в коробку что-нибудь особенное, что могло порадовать дочь, например печенье или баночку пудинга. Что-то такое, отчего у нее

просветлеет лицо.

Время от времени я добавлял записку, написанную на салфетке.

Эти записки начинались очень просто. Я люблю тебя. Хорошего дня. Стань кому-то другом.

Я даже не знал, прочтет ли она эти записки. И уж точно не знал, имеют ли они значение. Но я хотел, чтобы каждый день был для нее особенным.

Однажды я только-только закончил собирать для нее обед. Я еще не написал записку. Эмма заметила на столе коробку без записки – и я прямо-таки увидел, как у нее в голове забегали нейроны. Она взяла пакет, подошла ко мне с умоляющими, широко раскрытыми глазами и просто спросила: «А как же записка на салфетке?»

Вот тогда-то я и понял – да, это важно.

Итак, для меня это стало обычной практикой. Родительской практикой. Что бы ни происходило в моих делах, я заботился о том, чтобы у Эммы была записка. И по мере того как она росла, записки становились более конкретными. Более вдумчивыми. Иногда я включал в них цитаты, которые что-то значили для меня самого, например: «Зачем вписываться, если ты был рожден, чтобы выделяться?» – из доктора Зюсса. Я осознал, что это были моменты, когда я мог направлять ее, помогать ей становиться молодой женщиной. Быть отцом означало помогать ей стать той, кто будет иметь значение в этом мире. Так я надеялся понемногу формировать ее личность, день за днем.

Я и представить себе не мог, что однажды эти салфетки станут моим наследством.

Урок № 1

Научись принимать критику с достоинством

Критика – это возможность совершенствоваться. Ты не обязана сразу же вставать в оборону. Вначале поблагодари человека, который тебя критикует. Выслушай комментарий. Есть ли способ превратить его в нечто позитивное?

Помнишь, как я делал тебе замечания, когда ты училась владеть битой? Я упомянул, что тебе следовало бы дольше удерживать биту обеими руками. Я думал, что ты, возможно, слишком рано отпускаешь биту и теряешь часть силы замаха. Я увидел в твоем взгляде сопротивление. В ответ на критику ты ощетинилась. Я не говорил тебе, что ты плохой человек. Я не нападал на тебя. Я не атаковал тебя лично.

Критика – это не оскорбление. Прими ее. Возможно, она стоит того, чтобы к ней прислушаться.

Круг первый

Дай Бог тебе жить

все дни твоей жизни.

Джонатан Свифт

Глава 2

Красная сангрия

Если Бог посылает тебя по каменистой тропе, пусть дарует тебе крепкие башмаки. –

Ирландская пословица

Я опять потерял ее из виду. Я бежал, но она была проворнее. Я не должен был сходить с тропы, а она металась среди деревьев и подлеска. Я не мог за ней угнаться. Дорожка была слишком извилистой и неровной. Я бежал то вверх, то вниз, то вправо, то влево по лесной почве. Послеполуденное солнце било в лицо сквозь золотую и красную листву. Жена и соседи сильно отстали от меня, но все мы выкрикивали ее имя. Я изо всех сил старался бежать впереди, но мне уже не хватало дыхания. Я был напуган. Она еще ни разу не оказывалась настолько предоставлена самой себе, ни разу не сталкивалась со свободой – в таком количестве. Я должен был держать ее в поле зрения.

Мы отдыхали в кемпинге – не могу сказать, что я в восторге от такого отдыха. Когда мы с друзьями отправились на пешую прогулку, наша собака Ноэль метнулась прочь в погоне за кем-то – и теперь ее нигде не было видно. Мы спасли ее меньше года назад. Ноэль провела в местном приюте для животных 59 дней. Этот расположенный неподалеку окружной приют не придерживался политики «не убий», и через 60 суток невостребованных животных подвергали эвтаназии. Она была избавлена от этой судьбы местной группой спасения животных, FLAG. Ноэль, когда мы с ней познакомились, вообще мало напоминала собаку. Одна шкура да кости. Мех, который на этой шкуре еще оставался, был редким и местами облезлым.

Ноэль явно некоторое время бродяжничала. Она сторонилась большинства людей и, кажется, боялась меня до смерти. Лисса и Эмма были уверены: Ноэль – та собака, которую мы должны спасти.

Я не хотел заводить в доме новую собаку. Люси была моей собакой. Я сам выбрал ее и преданно любил свою псину, помесь немецкой овчарки и ротвейлера, тринадцать лет. Люси умерла всего за четыре месяца до того, как Лисса с Эммой приперли меня к стенке, размахивая фотографиями спасенных животных. Я все еще скорбел и не хотел отдавать место в своем сердце другому питомцу.

Я продолжал бежать дальше, хотя у меня было ощущение, что легкие вот-вот взорвутся. Бейли, соседский ретривер, нагоняла Ноэль, и я едва-едва был способен разглядеть впереди желтый меховой шарик. Все, на что я мог надеяться, – это что Ноэль ушла от нее не так уж далеко вперед.

Наконец я увидел, как собаки замедляют темп: видимо, какой-то интересный запах остановил их радостный бег. Я сумел нагнать их и снова надеть на Ноэль поводок. И испустил огромный вздох облегчения, благодарный за то, что

остальная часть нашего уик-энда не будет потрачена на блуждания в лесной глуши в надежде каким-то образом вернуть Ноэль домой.

Наши соседи, Майк и Шерил Бурдо, пригласили нас в поход – последнюю вылазку перед тем, как осень окончательно вступит в свои права. По крайней мере кемпинговали мы на сей раз в хижинах, а не в палатках. Примириться с житьем в хижине мне было гораздо легче, чем с ночевкой на земле. Мы праздновали день рождения Шерил, и на тот вечер Майк запланировал фантастический ужин со стейками. Мы приветствовали новорожденную красным вином и закусывали его гурманскими капкейками. Играли в игры и от души наслаждались компанией друг друга. Вечер подошел к концу даже слишком быстро. Перед тем как ложиться спать, мне понадобилось в туалет. Стоя над унитазом, я испытал настоящий шок. Моя моча была цвета красной сангрии.

Я даже вообразить не мог, что стало тому причиной. Никакой боли не было. Не было никаких других показателей того, что со мной что-то не так.

Мое самообладание пошатнулось.

Я отыскал Лиссу и рассказал ей, что произошло. Схватил свой смартфон, чтобы поискать потенциальные причины случившегося. Сигнала сети почти не было. Я влез на крышу хижины, поднял телефон над головой и наклонил его так, чтобы поймать сигнал. Кровь в моче называлась макрогематурией. Я просмотрел возможные причины. В конце поистине устрашающего списка были две причины, которые, как мы с Лиссой понадеялись, могли быть моим случаем: интенсивные физические нагрузки и чрезмерное количество свеклы. Я не только много бегал в тот день, пытаясь изловить Ноэль, – не сказать, чтобы для моего повседневного расписания такое было нормой, – но и лакомства с именинного стола Шерил включали капкейк «Красный бархат» из дорогого гастронома. Хотя я бы ни за что об этом не догадался, Лисса предположила, что в кондитерской, вероятно, использовали концентрированный свекольный сок в качестве красителя для капкейков. Мы достаточно успокоили себя, чтобы заснуть, надеясь, что это была дикая случайность, а не действительно серьезный повод для беспокойства.

Наш поход окончился без дальнейших инцидентов, и я почти выбросил случившееся из головы. Мы поехали домой и зажили своей обычной жизнью… пока я на следующий день снова не увидел в моче кровь. Хотя я не из тех, кто тревожится по мелочам, даже до меня дошло, что следует пойти к врачу, чтобы

выяснить, в чем дело. Я записался на прием к своему терапевту, доктору Моргану.

Выполнив рутинное физическое обследование, доктор Морган сообщил, что при проверке все оказалось в норме, за исключением мочи. Он сказал так: «Может быть, это ничего. А может быть, это что-то», – но высказал пожелание, чтобы я как можно скорее наведался в Виргинский урологический центр и посоветовался со специалистом.

К счастью, мне удалось договориться о приеме на следующий же день. По случаю меня направили к доктору Тиму Брэдфорду. Мы с ним прошли по тем же этапам, что и с доктором Морганом, и я обратил внимание, что Брэдфорд использует ту же ни к чему не обязывающую фразу: «Может быть, это ничего. А может быть, это что-то». (Они что, зазубривают этот текст в медицинской школе? Предполагается, что он успокаивает пациентов? Если так, то он не сработал.) Закончил он словами: «Давайте назначим КТ-сканирование»[2 - Компьютерная томография (КТ) – метод исследования внутренних органов человека с использованием рентгеновского излучения.]. По его словам, он хотел исключить все сколько-нибудь серьезные болезни, но предположил, что мы, возможно, имеем дело с камнями в почках или еще какой-нибудь мелочью.

Спустя два дня я готовился к первому в своей жизни КТ-сканированию. Это оказался очень строго регламентированный процесс. Выпить отвратительную белую жидкость, именуемую «контраст», в 9 вечера накануне процедуры. Выпить ее снова за 90 минут до начала процедуры. Не надевать на тело ничего металлического. Выпить еще немного «контраста», пока ждешь в кабинете. Результатом этого процесса стала полная безмятежность. У меня попросту не было времени нервничать или беспокоиться. Я был уверен, что проведение КТ сильно превышало наши диагностические нужды.

Самой забавной частью КТ была вводная лекция, которую мне прочли прямо перед началом сканирования. Я лежал, подготовленный, на металлическом столе, ожидая, пока меня засунут в трубу.

– Вы когда-нибудь прежде проходили КТ-сканирование? – спокойно спросила меня женщина-техник. Я покачал головой. Легкая улыбка мелькнула на ее лице. – Ладно. Вы пройдете через машину один раз. Просто слушайте указания и дышите, когда я вам скажу. Второй раз мы включим внутривенное

контрастирование. Некоторые пациенты ощущают слабый металлический привкус во рту. Сразу после этого вам покажется, что вы обмочились. Не волнуйтесь. Это иллюзия.

И знаете, что? Она была совершенно права.

Эта маленькая лекция – часть процесса. Предупредите пациента о том, что его ждет, чтобы он не сошел с ума, чувствуя, будто написал в штаны. Я потом слышал ее каждый раз.

КТ не заняла много времени, и не успел я оглянуться, как уже был на пути домой. Теперь настало время ожидания. Предстояло ждать еще пять дней до того, как результаты будут готовы. Поскольку они не вызывали у меня особой озабоченности, я смог сфокусироваться на других вещах. У моей компании был уик-энд-проект для местной юридической фирмы. Было благотворительное мероприятие для детей Toys for Tots, на котором я присутствовал. Я был занят делами и ждал встречи с врачом.

Новые начала часто замаскированы под болезненные концовки. – Лао-Цзы

Наконец пришло время встретиться с доктором Брэдфордом. Прием был назначен на три часа дня, и Лиссе нужно было забрать Эмму из школы. Я в одиночестве ждал в кабинете доктора Брэдфорда, выбивая каблуком по полу нервную дробь. Я полагал, что все скорее всего нормально, но мне все равно не нравилось там находиться.

Просто скажите мне, что я здоров, или дайте рекомендацию больше заниматься спортом – и я пойду по своим делам.

Только все обернулось не так.

Вошел доктор Брэдфорд. Мы посмотрели на снимки моей КТ на компьютерном экране… и следующие 40 минут слились в какое-то сплошное мутное пятно. Я слышал слова «опухоль» и «двенадцать сантиметров». Я слышал слова «биопсия» и «эта штука достаточно большая, нам все равно пришлось бы вытащить ее из вас». Потом еще: «Уровень смертности очень высок для рака

почек в такой стадии распространения».

Мой разум был не в состоянии охватить то, что было только что сказано. Ради всего святого, у меня должен был оказаться камень в почках или нечто вроде этого! Жена даже не поехала со мной, потому что никто не предполагал, что это что-то серьезное!

Все, что я понял под конец, – это что доктор Брэдфорд назначил какое-то дополнительное сканирование, чтобы совершенно точно выяснить, что именно происходит в моем организме. Я ехал домой, как в тумане. Смутно припоминая, что он наговорил множество разных вещей и рассказал о многих разнообразных исходах, единственное, что я действительно услышал: «Мистер Каллахан, вы умрете».

Ведя машину, вцепившись руками в руль, я знал, что мне полагается позвонить Лиссе. Я пообещал, что отзвонюсь, как только закончится прием. Но это было не то, что я мог объяснить по телефону. Мне необходимо было сообщить эту новость лично.

Я поехал быстрее, одновременно и боясь возвращения домой, и отчаянно желая увидеть супругу. Но когда я вырулил на подъездную дорожку, гараж оказался пуст. Где все? Неужели они не знают, что они мне нужны?!

Я – человек терпеливый, но даже у меня есть свои пределы.

Пока я расхаживал по кухне, зазвонил мой телефон. Лисса. Они были на пути домой. Мне не следовало брать трубку. Я же знал, что Лисса станет задавать вопросы, но не понимал, что еще мне делать. Она была моим спасательным тросом, а я чувствовал, что тону. Я лихорадочно жаждал хотя бы звука ее голоса.

– Как прошел прием? – спросила она. Я почти видел мысленным взором свою жену, дорогу, по которой она осторожно вела нашу машину, мини-вэн, с Эммой на заднем сиденье. Нормальность, которая окружала ее. И знал, вот-вот все вокруг нее рухнет.

Прежде чем я сумел избежать этого, придумать какой-то способ потянуть время, пока она не доберется до дома, я выпалил:

– У меня рак.

О чем я только думал?! Что, если бы она попала в аварию, потому что ее отвлекла бы от дороги эта ужасная новость? Но я был далек от рациональности. Я был в отчаянии. Я был в шоке. Мне нужно было, чтобы кто-то помог мне это все переварить.

Они приехали домой через несколько минут. Лисса поскорее загнала Эмму в кухню, чтобы та перекусила, потом пришла ко мне в спальню на втором этаже, и мы крепко обнялись. У нее было столько вопросов, а у меня на самом-то деле не было никаких ответов.

Да, доктор уверен, что это рак.

Да, вероятно, мне придется делать операцию.

Да, ее следует удалить из моего тела, даже если это доброкачественная опухоль. Она обволокла мою почку.

Да, похоже, она могла распространиться.

Нет, мы не знаем, что было причиной.

Нет, я не знаю, что делать.

Да, я в смертельной опасности.

Да, я боюсь.

Нет, я не знаю, как сказать Эмме.

Урок № 11

Выучи основные особенности устройства машины

Я научился водить машину, только когда начал учиться в выпускном классе школы. Хотя папа и раньше брал меня с собой в своем грузовике покататься по глухим проселочным дорогам, практики у меня было не так уж много. Я умел водить достаточно хорошо и соблюдал правила дорожного движения, но так и не освоился с машинами достаточно, чтобы чувствовать себя комфортно. Они были мне чужды.

Однажды на выходных я набрался храбрости, чтобы предложить знакомой девушке поехать в автокинотеатр «Вилли Брук». Хотя Хайди ответила согласием, она спросила, можно ли ей взять с собой подругу. Я подумал, что это как-то странно, но мне очень хотелось провести с ней время, и я согласился. Я забрал девушек, и мы тронулись в путь.

Это был старомодный кинотеатр с громкоговорителями на шестах и игровой площадкой, где детишки могли играть до темноты. Мы посмотрели кино и получили удовольствие. Проблемы начались, когда настала пора уезжать. Я завел отцовский грузовик, «Форд» F-100 Stepside. Нажал на газ, но мы не двинулись с места. Что происходит? У меня не было достаточного опыта, чтобы отыскать неисправность, поэтому я перевел рычаг на задний ход. Может быть, что-то попало под колеса. Мы немного сдвинулись, но далеко не уехали. Я попробовал раскачать грузовик, переключаясь с переднего хода на задний. Сумел выбросить из-под колес немало земли, а также вывел из строя один из шестов с громкоговорителями и тормозной фонарь. Фантастика! Замечательный способ впечатлить даму!

Я дошел до кассы кинотеатра и заплатил 10 центов, чтобы позвонить домой. Рассказал отцу, что происходит.

Он внимательно выслушал меня и объяснил, что делать. Он сказал, что я должен точно следовать его инструкциям: «Возвращайся к грузовику, возьми фонарик и откинь капот. Осмотри область мотора в течение пары минут и притворись, что знаешь, что делаешь. Уверенно закрой крышку капота и залезь обратно в грузовик. Заведи мотор и сними машину с ручника. Отвези девочек домой – а фонарь можешь заменить завтра».

Спасибо, папа!

Глава 3

«Превосходно!»

Дорогая Эмма, любой, кто полагает, что солнечный свет – это чистое счастье, никогда не танцевал под дождем.

С любовью, папа

Снова закрывая ручку колпачком, я улыбнулся. Отлично получилось. Когда я не очень представлял, что написать, мои «записки на салфетках» обычно тяготели к позитиву или говорили о том, как изменить свой подход. Эта была классической. Я знал, что часто именно трудные времена в жизни бывают моментами, когда узнаешь больше всего или встаешь на путь к чему-то великому. Если всегда об этом помнить, можно пройти через что угодно.

Я пока ничего не сказал Эмме. Я пытался привести ее в правильное состояние ума, чтобы она могла выслушать мои новости.

Во время учебы в колледже я начал работать в круглосуточном магазине, расположенном на той же улице. Им нужен был служащий по выходным, а мне нужен был стабильный доход, чтобы платить за обучение. Эта работа не была ни волнующей, ни гламурной, зато позволяла оплачивать кое-какие счета. Больше от нее ничего и не требовалось.

Чтобы успеть на работу в первую смену, мне приходилось вставать по субботам до рассвета. Иногда я работал и всю ночь. Это была изнурительная, скучная работа. Но я знал, что благодаря ей отчасти оплачиваю свое обучение.

Однажды субботним утром (к этому времени я проработал там меньше полугода) в магазин вошел мужчина. Точнее сказать, ввалился. Я не мог понять, сколько ему лет, но выглядел он так, точно завернул сюда после только что завершившейся бурной ночи, либо только что проснулся с наихудшим похмельем в своей жизни. На нем были очки, которые, как я понял, не составляли привычную часть его повседневного наряда. По виду он был из тех, кто обычно носит контактные линзы.

Мужчина подошел прямо к нашему кофейному автомату и принялся наливать себе чашку, замедляя струйку лившихся в нее сливок, а потом стал сосредоточенно размешивать их. Он оторвал взгляд от своего занятия, оглянулся и заметил меня.

– Как дела? – пробормотал он, вероятно, не ожидая ответа.

Я треснул кулаком по конторке и заявил:

– У меня – превосходно!

Мужчина оставил в покое свою чашку и вновь с усилием воззрился на меня, наконец сумев встретиться со мной взглядом.

– Интересный подход для столь раннего утра, – заметил он с намеком на улыбку.

– Чем чаще я это говорю, тем больше в это верю, так что со временем так и будет, – честно пояснил я.

Не успел я понять, что происходит, как этот мужчина подошел к конторке, поставил на нее свой кофе и сунул мне ладонь для рукопожатия.

– Тебе не нужна работа? – поинтересовался он.

Как оказалось, этот человек работал в подразделении «Импульс» компании «Серкит Сити», а под работой имел в виду должность помощника менеджера в тренинговой программе. Ему понравился мой подход. И для него этого было достаточно, чтобы решить: «Вот такого рода служащий мне и нужен».

Если бы у меня были другие взгляды, вероятно, я не получил бы эту работу, благодаря которой в результате познакомился со своей женой, в результате чего появилась на свет Эмма. Если бы у меня не было того подхода, кто знает, куда завела бы меня жизнь?

Но найти хороший подход к раку?! Это было испытание. Кто захочет, чтобы в 42 года ему в лицо швыряли это слово? Не говоря уже о том, чтобы рассказывать о нем своей 12-летней дочери.

Через несколько дней после постановки диагноза я понял, что пора сказать Эмме, что происходит. Я не знал, насколько много она знает о раке и следует ли мне вообще использовать это слово. Я хотел окрасить все это позитивом и позаботиться о том, чтобы мое отношение к происходящему было правильным, чтобы не дать ей слишком уж перепугаться. Я то и дело напоминал себе, что мы на самом деле еще не знаем, с чем имеем дело. Подпусти туману – и она ни за что не узнает, насколько сильно тебя пугает эта история.

Мы с Лиссой часами обсуждали, как нам лучше всего провести этот разговор. Следует ли нам быть вместе – или лучше мне одному поговорить с дочерью? Но я знал, что Эмма чувствует: что-то происходит. Под конец я решил, что было бы лучше все объяснить – в меру наших способностей, – чем заставлять ее чувствовать себя отстраненной и растерянной.

Я не мог не возвращаться мыслями к тому моменту, когда я рассказал Эмме о Люси. Как я и думал еще тогда, когда Эмма была малышкой, Люси умерла, когда моей дочери было девять лет. Хотя это определенно был не тот разговор, которого я ждал с нетерпением, раньше, размышляя о нем, я не принимал в расчет, насколько я сам буду раздавлен горем. Я думал только об Эмме. Но когда Люси умерла… Я чувствовал себя полным инвалидом.

Люси стала первой собакой в моей жизни. В детстве у меня не было собак, поэтому, когда Лисса загорелась идеей взять собаку, я согласился без особой охоты. Я на самом деле не знал, что повлекут за собой эти отношения.

Мы побывали в нескольких местных организациях по спасению домашних животных – безуспешно. Я знал, чего я не хочу в собаке, но не вполне понимал, чего хочу. А потом однажды мы приехали в приют, и я увидел Люси. Даже не знаю, как это описать, если не считать, что я с первого же взгляда понял, что эта собака – для меня. Она была помесью немецкой овчарки и ротвейлера. Полный энтузиазма щенок. Каждый раз, когда мы водили ее к ветеринару, он смотрел на ее лапы и говорил: «О, она вырастет в большую собаку – пожалуй, фунтов на сорок». И при каждом последующем визите он набавлял еще десять фунтов. Так что в итоге, когда Люси достигла своего «потолка», она весила 100 фунтов.

После периода взросления, последовавшего за щенячеством, Люси стала идеальной собакой. Она была благонравна и даже не нуждалась в поводке,

когда я ее выгуливал. Если я останавливался, а она в этот момент меня опережала, она разворачивалась, подбегала и усаживалась рядом со мной. Она терпеть не могла незнакомых людей и разражалась в их адрес злобным лаем, но стоило человеку переступить порог нашего дома, как она становилась его лучшим другом.

Она была моей собакой. Она всегда хотела быть рядом со мной.
Я и не представлял, как много может дать человеку собака. И, что еще важнее, не представлял, как счастлива бывает собака, когда ты входишь в двери, неважно, сколько времени тебя не было – пять минут или пять дней. Собаки определенно знают, как заставить человека почувствовать себя важным и любимым.

А Люси и Эмма? Они воистину были сестрами. Люси была безмерно терпелива с Эммой, когда та росла, становилась больше. В одно рождественское утро, когда Эмма получила в подарок игрушечный набор для ухода за волосами, я вошел в гостиную с чашкой кофе в руке и увидел, как моя огромная 100-фунтовая псина смиренно позволяет сушить себе шерсть детским феном и завивать игрушечными парикмахерскими инструментами.

Когда пришло лето 2010 года и Люси исполнилось 13 лет, в ее жизни начался закат. Она стала больше спать, меньше есть, у нее случались «маленькие неприятности» в доме. Мы знали, что ее время подходит к концу.

В тот август я поехал на съезд поклонников «Звездных войн» вместе со своим 15-летним племянником из Флориды. Нас не было пять дней. Когда я вернулся домой, Лисса подошла ко мне, пока я распаковывал вещи, все еще в приподнятом настроении после наших приключений. Она села на кровать.

– Я не хотела портить тебе праздник, но у Люси дела не очень хороши.

Я тут же бросил сумки, сел на кровать рядом с Лиссой и стал слушать ее рассказ о визите ветеринара. У Люси отказывала печень.

– Что конкретно он сказал? – спросил я. – Мы можем что-то сделать?

Лисса покачала головой, глаза ее наполнились слезами.

– Мы могли бы потратить тысячи долларов на операцию, но купили бы ей в лучшем случае пару месяцев.

Я сидел, уставившись на свои руки. Мне ненавистна была мысль, что до этого дошло. Но я знал, что просто хочу помочь Люси. Если ей так плохо, нам нужно сделать это сейчас.

Я в тот же день пошел к ветеринару и попрощался с Люси.

Эмма была у подруги, и хотя я знал, что мне будет трудно объяснять ей, что Люси больше нет, я не хотел, чтобы и ей пришлось прощаться. Я считал, что во многих отношениях это сделает ситуацию еще тяжелее.

А потом настал момент, о котором я со страхом думал все восемь лет. Мне пришлось усадить дочь рядом с собой и объяснить, что Люси здесь больше нет. Мне пришлось разбить сердце своей дочери, когда мое собственное уже было разбито на миллион осколков.

Это всегда кажется невозможным, пока не будет сделано. –

Нельсон Мандела

Теперь Эмме было 12 лет, и она росла, превращаясь в настоящую маленькую женщину. Она подвергалась психологическим ударам жизни чаще, чем мне бы того хотелось. Всего за несколько месяцев до моего пугающего диагноза скоропостижно скончался мой отец. Он прошел биопсию, чтобы убедиться в том, что у него нет рака легких, – а пару дней спустя у него отказали легкие; он впал в кому и больше из нее не вышел. Печальная ирония: биопсия показала, что в легких все чисто. Но было слишком поздно. Он уже ушел.

Нелегко было сообщить эту новость Эмме. Но ее дед был стар. У нее были друзья, у которых не осталось живых бабушек и дедушек, и она знала, что такое случается. Но тяжкая болезнь родителя? Знакомо ли ей слово «рак»? Я опасался, что она может понять больше, чем я рассчитывал. Мне просто нужно было сосредоточиться на фактах.

Я усадил рядом с собой Эмму. Медленно подобрался к разговору о своей болезни. Вероятно, у меня рак. Мне придется делать операцию. Если все пройдет хорошо, его вырежут, и на этом все кончится.

Я старался минимизировать свои страхи. Она расплакалась. Я крепко обнял ее. Я говорил ей, что все будет в порядке, зная, что это может оказаться неправдой.

В последующие дни я едва мог поднять глаза на Эмму, страшась, что ей, возможно, придется понести еще и эту утрату. Да, меня пугал мой диагноз, и я ждал возможности узнать, каким будет план лечения. Но главным образом я просто неотступно думал об Эмме. О том, как она юна. О том, как трудно ей будет расти без отца. О том, сколь многого я не увижу, если не смогу победить болезнь.

Я считаю себя довольно уравновешенным человеком. Чтобы мои эмоции проявились зримо, требуется сильный повод. Но я обнаружил, что стою в душе и рыдании сотрясают мое тело. Мы все еще ждали результатов, чтобы точно узнать, с чем имеем дело. Диагноз был туманным, и позитивных вариантов было не так уж много. Единственное, о чем я мог думать, – это что я могу умереть, не прожив и года. У меня пока не было шанса серьезно что-то изменить в этом мире, если не считать собственной семьи. Достаточно ли этого? Я не знал.

Я пытался припомнить все те записки, что писал Эмме за эти годы, просматривая список моих любимых цитат. Как мне танцевать под этой грозовой бурей? Как мне найти отблеск света, чтобы увидеть радугу, нечто такое, чего я не увидел бы, не будь дождя? Но я не мог отыскать этот отблеск света. Нигде.

Урок № 17

Не садись пьяной за руль. Никогда

Я был молод – наверное, лет двадцати. Работал в расположенном неподалеку курортном поселке, и мне часто приходилось приезжать на машине домой поздно вечером или ночью. Шоссе, ведущее к моему родному городку, было узким – едва достаточной ширины, чтобы две машины могли разъехаться так, чтобы ни одна из них не зацепила боковыми шинами обочину. Это была

извилистая дорога, продуваемая всеми ветрами.

Однажды вечером я задержался после работы и пошел в бар с несколькими коллегами. Возможно, выпил слишком много. Да нет, я определенно перебрал. Нечего мне было и думать садиться за руль. Я мог бы переночевать у кого-нибудь из коллег. Я мог бы позвонить кому-нибудь из родителей. Я мог бы остаться ночевать в машине. А я решил ехать домой. И это было скверное решение.

Я знал, что на дороге между Олд-Форджем и Порт-Лейденом не так-то легко ориентироваться даже в самый светлый день. Я выбрал более длинный маршрут, на котором ориентироваться было легче. Сделал большой крюк, зная, что не смогу ехать по шоссе, не попав в аварию. Меня остановила полиция. Слава богу! Полицейский явно понял, что я перебрал.

Не знаю почему, но он не выписал мне штраф. Зато он простоял возле моей машины битых два часа, проводя со мной беседу. И это меня спасло. Я не имею ни малейшего представления, о чем мы разговаривали, но когда солнце выглянуло из-за гор, он спросил: как, по-моему, смогу ли я теперь безопасно добраться до дому? Я решил, что смогу, и он ехал вслед за мной до границы графства.

Я благополучно добрался до дома. Что еще важнее, я добрался до дома, не навредив никому, и усвоил в тот день серьезный урок.

Я в любую минуту приеду за тобой. Позволь мне это сделать. Никаких вопросов.

Глава 4

Где же пони?

Если тебе что-то не нравится, измени это. Если не можешь это изменить, измени свое отношение –

Майя Ангелуизмени

Когда я учился в восьмом классе, миссис Нона Уайли (да, я действительно помню всех своих учителей) рассказала нашему классу одну историю. Звучала она как-то так:

Жили-были мальчики-близнецы. Маленькие, лет шести. Хотя они были близнецами, характеры у них оказались совершенно разными. Один был бесконечно счастлив, а другой бесконечно пуглив.

Родители повезли мальчиков к психологу-консультанту. Консультант придумал для них тест. Мальчиков разлучили, разведя по разным комнатам.

Трусишку отвели в комнату, битком набитую всевозможными игрушками и играми. Представьте себе: «Атари»[3 - Очевидно, имеется в виду игровая приставка производства одноименной американской компании – производителя и издателя компьютерных игр, которая вплоть до 1984 г. занимала лидирующее положение на рынке видеоигр.], «Джи-Ай Джо»[4 - Компьютерная игра для приставки «Денди» по фильму «Бросок кобры».], фигурки из «Звездных войн», «Пакман»[5 - Японская игра 1979 г., одна из самых известных в мире компьютерных игр.], Стретч Армстронг[6 - Популярная американская кукла 1978 г. с растягивающимися руками и ногами.] – и это еще не все! А мальчик уселся посреди комнаты и расплакался. Он был в ужасе, боялся сломать игрушки, и страх не давал ему и шагу ступить.

Счастливого мальчика поместили в практически пустую комнату. В ней не было ни игр, ни игрушек. Только большая куча конского навоза. Вонь стояла ошеломительная и почти невыносимая.

Консультант оказался совершенно не готов к реакции счастливого мальчика. Тот сразу же вбежал в комнату и принялся карабкаться на навозный холм, одновременно раскапывая его. Потом стал скакать по комнате, кидаясь во все стороны навозом.

Консультант взирал на него в изумлении и наконец спросил: «Что это такое ты делаешь?»

«Если уж тут столько дерьма, – ответил счастливый мальчик, – значит, где-то непременно должен быть пони!»

Обожаю эту историю. И всегда старался быть вторым мальчиком.

У всех есть свои трудности. Мой отец годами сражался с алкоголизмом. Я вырос в маленьком городке, где многие отцы долгими часами вкалывали на лесоповале или фермах. У меня есть родственник, который страдает от депрессии. Моя мать и ее сестра несколько лет не разговаривали друг с другом. (Ты должна исправить это, мама. Может быть, к тому времени, как выйдет эта книга…) У меня – рак.

Я издавна верил, что главное – не препятствие, с которым сталкиваешься, а то, как пытаешься его одолеть. Преодоление препятствий может научить большему, чем ровный участок дороги. Учишься бороться. Вступать в битву за то, чего хочешь.

Первая битва, которую я помню в своей жизни, состоялась во время проб для зачисления в команду «Порт-Лейден Бейсбол Фарм». В маленьких городках всегда устраивают пробы. Не всем доведется играть в команде. Это простая математическая логика: форменных комплектов одежды есть ровно столько-то, и не больше. Игроки должны преодолеть барьер, чтобы получить одно из желанных мест.

В первый день проб я проделал путь через весь городок совершенно один. У меня была новая перчатка, и я был готов играть. Большинство городских мальчишек были уже там, но тренер еще не приехал. Несколько ребят постарше стояли и курили. Я считал это странностью. Я не испытывал никакого желания курить. Конечно, все они предлагали закурить младшим ребятам. Я отказался. И один из них тут же швырнул перчатку мне в лицо. Больно было адски, и я ушел, пристыженный. Разворачиваясь, я только пожал плечами. Я очень хотел играть в бейсбол. Но старшие мальчишки явно не были бы рады мне в команде.

Я даже не успел дойти до дому, как повернул назад. Старшеклассники не возьмут надо мной верх! Я решительно вернулся на игровое поле и все равно стал тренироваться. Я тренировался каждый вечер до тех пор, пока пробы не закончились. Я любил бейсбол и был именно там, где мне и следовало быть.

В команду в тот год я не попал.

Хотя в последующие годы меня брали в команду, я совершенно ничего не помню об этих более поздних пробах. Почему? Потому что там не было никакой значимой трудности. Это были ничем не примечательные пробы. Мне не нужно было сражаться в битве.

Чемпион – это тот, кто встает, когда не может встать. –

Джек Демпси

Рак – величайшее препятствие из всех, с какими я когда-либо сталкивался. Как только врач выставил на экран КТ-сканы, даже я, не имевший никакого медицинского опыта, понял, что в моих снимках что-то очень и очень нехорошо. Я не полностью понимал уровень опасности, но рак привел меня в состояние максимальной боеготовности. Мне подсунули игровое поле, на котором я был полным новичком. Как я могу стать выдающимся раковым пациентом? Как могу помочь своим врачам спасти меня?

На первую неделю ноября у меня были запланированы дополнительные исследования. Я хотел прийти на них подготовленным, имея как можно больше знаний, чтобы суметь разговаривать на языке врачей настолько хорошо, насколько возможно.

Непосредственно с веб-сайта Американского общества по борьбе с раком:

Хотя многие раковые опухоли почек обнаруживаются довольно рано, когда они еще ограничены пределами почки, другие случаи обнаруживают на более поздней стадии. На то есть несколько причин:

? Эти опухоли иногда могут вырастать довольно крупными, не причиняя никакой боли и не создавая иных проблем.

? Небольшие опухоли почек невозможно увидеть или прощупать во время физического осмотра.

? Не существует рекомендованных скрининг-тестов для рака почек у людей, не находящихся в группе повышенного риска.

Я продолжал читать и выяснил следующее:

? В 2011 г. в Соединенных Штатах было выявлено 1,6 миллиона новых случаев заболевания раком.

? Еще возникнет около 60 920 новых случаев рака почек (37 120 у мужчин и 23 800 у женщин).

? Средний возраст людей, которым впервые ставят этот диагноз, составляет 64 года.

? Рак почек очень редко встречается у людей моложе 45 лет и чаще всего возникает у людей в возрасте от 55 лет и старше.

? Средняя скорость роста рака почек составляет менее 1 см в год.

Я уставился на компьютерный экран. Как это случилось со мной? Мне всего 42 года! Я на 22 года моложе среднего возраста для этого диагноза! А та опухоль, которую нашли у меня? Тринадцать сантиметров в самом широком месте. Это означало, что, если она увеличивалась со средней скоростью, она росла во мне с тех пор, как мне исполнилось 29 лет. В сущности, с тех самых пор, как я стал отцом, во мне тикала часовая бомба.

Я стал читать дальше. Рак почек печально известен тем, что его трудно побороть, и даже когда все думают, что он побежден, он может снова появиться годы спустя. Рак почек обычно не реагирует на химиотерапию или радиацию. Как же, скажите на милость, я должен выигрывать эту битву?

Я не хотел отчаиваться. Я знал – собираясь на следующий прием к врачу в понедельник, когда мне должны были сделать ряд сканирований, чтобы точно выяснить, с чем мы имеем дело, и разработать план лечения, – что мне необходимо чувствовать себя воином. Я хотел быть лучшим и самым решительным пациентом в истории. Никакой метод лечения не будет сброшен со счетов. Я прыгну в эту безумную фазу своей жизни и атакую.

Я сам себя называю гиком[7 - Гик (англ. geek) – человек, чрезмерно увлеченный чем-либо. В русском языке употребляется преимущественно по отношению к людям, увлеченным технологиями (обычно компьютерными), либо членам какого-либо фэндома.] – по многим причинам. Одна из этих причин состоит в том, что я не боюсь признать, как велика моя любовь к «Звездным войнам». В детстве я часами играл с игрушками из «Звездных войн», а став взрослым, вступил в «Бунтарский легион» – костюмированную группу, которая занималась волонтерской работой, неукоснительно одеваясь в костюмы персонажей из «Звездных войн». Каждый раз, стоило мне задуматься об этой предстоящей битве, в мыслях моих всплывали реплики из моего любимого фильма: «Делай то, что должно быть сделано», «Делай или не делай. Но не пробуй», «Существа из света мы, не из материи грубой».

Я решил на каждый прием к врачам надевать только футболки с символикой «Звездных войн» – и к тому же рассказывать каждому члену моей медицинской команды, почему я это делаю. Я должен был отличиться. Быть личностью, а не просто «пациентом номер…». Я знал, сколько пациентов проходит перед этими людьми каждый день. Но Гарт Каллахан? Ах да, это тот парень фанат «Звездных войн». Они меня запомнят. Я буду стоять наособицу. Да, я стану носить на прием световой меч, если решу, что это поможет!

Следующие несколько дней пролетели мимо. У меня был проект в Рочестере. Мой дорогой друг и коллега Ким Зеркл руководила этим проектом. Я рассказал ей, что происходит, и мы погрустили вместе. Проект завершился успешно, но в действительности мне не было до этого никакого дела. Я не мог дождаться возвращения домой. Что я делаю здесь, в пятистах милях от своей семьи? Это безумие! Мне надо домой.

В понедельник мне провели полную серию сканирований: еще одна КТ, МРТ и полное сканирование костей всего тела. Мы с Лиссой поехали в больницу вместе. Я весь день провалялся на разных медицинских столах, стараясь не шевелиться. Просто поразительно, как это утомляет!

Мы уехали домой. Нам нужно было ждать еще восемь дней, пока мы не встретимся с доктором Брэдфордом и не узнаем точно, что происходит. Этот срок казался вечностью. Что ж, по крайней мере, нам предстояло отпраздновать День благодарения, чтобы немного развеяться. Приехала в гости моя мама. Мы очень старались не позволить болезни омрачить праздник. И без него

хватало трудностей, поскольку это был наш первый праздник без папы. Мама хотела задержаться у нас подольше, отложив отъезд, чтобы быть рядом, когда мы получим результаты моих исследований. Но нам с Лиссой предстояло еще отпраздновать годовщину свадьбы – прямо перед следующим посещением врача. Я был должен (и полон решимости) отпраздновать ее так, словно это была моя последняя возможность. Может быть, так оно и будет, закрадывалась мысль…

Наконец настало время встречи с доктором Брэдфордом. На этот раз я позаботился о том, чтобы жена непременно поехала со мной. Мне нужен был партнер, который смог бы слушать и впитывать все, что будет сказано. Доктор Брэдфорд представился Лиссе. Мы обсудили ситуацию, а потом результаты сканирования. Сканирование костей показало, что в них все чисто. МРТ выявила, что «распространение», которое мы видели на КТ-снимках, вероятно, было не раком, а скоплением кровеносных сосудов.

– Итак, это означает… – начал я, пытаясь досконально расшифровать для себя то, что говорил врач.

– Хорошие новости, – подхватил доктор Брэдфорд. – Хотя у вас действительно есть рак почки, не похоже, чтобы он распространился. Так что мы залезем внутрь и попытаемся его вытащить.

Я посмотрел на Лиссу с неуверенной улыбкой. Я был в восторге, узнав, что у меня всего только рак почки. Мы будем планировать операцию, и, если все пройдет хорошо, я возобновлю нормальную жизнь вскоре после нее.

Когда мы стали собираться домой после завершения приема, я раскрыл сумку и вытащил из нее подарок для доктора Брэдфорда. Это была игрушечная фигурка медицинского дроида из «Звездных войн». Врач озадаченно уставился на нее.

Я пояснил:

– Это парень, который спасает героев. Ваша задача – спасти меня.

Урок № 19

Заблудись в чужой стране, не зная местного языка

Это был мой первый день учебы в гимназии имени Теодора Хойсса в Геттингене. Мне было 16 лет. Немецкого я не знал. Конечно, кое-как объясниться мог, но до свободного владения языком мне было далеко. Сестра женщины, в семье которой мне предстояло жить этот год, Катрин, поехала в школу вместе со мной и все мне показала. Убедилась, что я запомнил, как добраться обратно до автобусной остановки. Мне следовало бы дождаться ее после занятий, но уроки в школе закончились рано. Я был уверен, что справлюсь и сам.

Это была ошибка. Я пошел гулять по городу и безвозвратно заблудился. У меня не было ни малейшего представления, где я нахожусь и как добраться до дома. Карты у меня не было. Я оказался в безнадежной ситуации. Бродил по улицам Геттингена, надеясь, что хоть что-то покажется мне знакомым. Должно быть, блуждал я больше часа. И наконец столкнулся с женщиной, лицо которой запомнил. Это была мама знакомого ученика. Она посадила меня на автобус, который шел прямо к дому моей приемной семьи.

Я совершенно заблудился. Я не говорил на местном языке. У меня не было сотового телефона. Я выжил. Иногда нет ничего страшного в том, чтобы заблудиться.

Глава 5

Моя девушка-геймер

Дорогая Эмма, важно не то, куда ты идешь в жизни, а с кем рука об руку ты держишь путь, а еще – как ты меняешь этот мир.

С любовью, папа

Я вскоре понял, что эта битва в значительной степени будет игрой в ожидание. Мне просто хотелось уже лечь наконец в больницу, чтобы из меня вырезали этот рак. А вместо этого нам предстояло ждать почти до самого Рождества. Мне была ненавистна мысль, что вся эта история омрачит такое радостное – обычно – время года.

Моя операция была запланирована на 20 декабря. Я надеялся, что все пройдет хорошо и я вернусь домой к 22?му числу. В любом случае это не будет нормальное Рождество, но по крайней мере – с божьей помощью – мы будем вместе.

Я купил рождественские подарки и помог украсить дом. Я даже слетал в Денвер на собеседование по поводу новой работы. Процесс подготовки к этому собеседованию начался еще до того, как мне поставили диагноз. Как только я узнал, что у меня рак, оно приобрело для меня совершенно новое значение. На тот момент я управлял собственной компанией, сам оплачивал свою медицинскую страховку, и инвалидности у меня не было. Мне казалось, что, если я буду работать в этой новой компании, то смогу защитить свою семью. Мы не знали, что ждет нас в будущем, и я хотел гарантировать наилучший результат для нас всех.

Я позаботился о том, чтобы кадровая комиссия узнала о моих проблемах со здоровьем. Моя бывшая коллега входила в ее состав, и я отвел ее в сторону, чтобы объяснить, что происходит.

– В общем, у меня запланирована операция на 20 декабря. Есть три возможных исхода. Первый – я умираю на столе. Второй – я переношу операцию, все в порядке, и через три дня я дома. Третий – операция проходит скверно, и мне дают год жизни, тогда я не приду к вам работать.

Мне повезло, что у меня оказалась подруга, которая сумела объяснить все это работодателям. Во время всего собеседования они относились ко мне с поддержкой и пониманием.

Однажды утром я задержался в кухне, глядя, как Лисса моет посуду в кухонной раковине. Я знал, каким тяжким грузом все это навалилось на нее. Она старалась быть сильной для всех нас, поддерживать ритм семейной жизни и радоваться праздникам. Было заметно, что настроение у нее не самое

радужное. Я подошел к ней, крепко обнял и сказал:

– Прости меня! Ты на такое не подписывалась.

Она возразила:

– Конечно, подписывалась. Ведь об этом идет речь в наших обетах.

Она даже не перестала мыть посуду.

Иметь дело со всем этим было бы куда тяжелее, не будь рядом со мной жены.

Я иногда шучу, говоря, что если бы мы познакомились сегодня, то ни за что не поженились бы. Я – самопровозглашенный гик, и в наши дни гики – девушки-геймеры – не боятся быть теми, кто они есть. Но в девяностых годах, когда я подыскивал себе жену, единственной знакомой мне девушкой-геймером была моя первая подружка. А Лисса даже ни разу не смотрела «Звездные войны». Святотатство! К счастью, я не задал ей этот вопрос до тех пор, пока по-настоящему не влюбился в нее.

У нас с Лиссой поначалу были эпизодические, дистанционные отношения. В первый раз мы стали встречаться после знакомства в Виргинии, на встрече ритейл-менеджеров «Серкит Сити». Я жил в Сиракузах, в штате Нью-Йорк; Лисса – в Ричмонде, в Виргинии. Я был молодым оболтусом 24 лет от роду, а Лисса – «пожилой» 29-летней женщиной. Эта разница в возрасте сильно меня беспокоила. Мы долго не встречались и некоторое время даже не разговаривали друг с другом после того, как я признался ей в этом. Постепенно мы помирились и снова стали друзьями, но оставались верны дистанционным отношениям. Мы даже давали друг другу советы по ухаживанию! Нам присылали телефонные счета с чудовищными суммами, поскольку мы часами разговаривали, звоня друг другу посреди ночи.

Однажды на выходных мой лучший друг, Тед Макколл, приехал навестить меня. Мы разговорились об этой искренней дружбе, которая сложилась между мною и Лиссой. Я не состоял с ней в серьезных отношениях, но был глубоко неравнодушен к Лиссе, какое бы расстояние нас ни разделяло. Когда мы обсуждали этот парадокс, Тед сказал:

– Ты ее любишь. Это очевидно.

Я повернулся к нему, желая огрызнуться. А потом до меня дошло. Он был абсолютно прав! И как это я сам этого не понял?

Я каким-то образом нашел слова, чтобы объяснить Лиссе, что хочу предпринять еще одну попытку. Мы снова начали встречаться – очень осторожно. Мы по-прежнему жили в 550 милях друг от друга. И в моем качестве ритейл-менеджера мне приходилось работать большую часть выходных. Придерживаться решения растить эти отношения было не так-то легко.

Через несколько месяцев я услышал о возможном открытии вакансии продукт-менеджера в корпоративном офисе. Эта позиция подразумевала начальствование над половиной розничной торговли в моем дивизионе и потому была очень лакомым кусочком. Это не просто была работа-мечта – она, помимо всего прочего, привела бы меня в город, где жила моя возлюбленная! Больше не будет трехсотдолларовых телефонных счетов или долгих часов ожидания в аэропорту рейса, который под конец вообще отменят! Я бы смог видеться с ней лично – и не какой-нибудь раз в месяц.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

От латинского clara – «светлая, ясная».

2

Компьютерная томография (КТ) – метод исследования внутренних органов человека с использованием рентгеновского излучения.

3

Очевидно, имеется в виду игровая приставка производства одноименной американской компании – производителя и издателя компьютерных игр, которая вплоть до 1984 г. занимала лидирующее положение на рынке видеоигр.

4

Компьютерная игра для приставки «Денди» по фильму «Бросок кобры».

5

Японская игра 1979 г., одна из самых известных в мире компьютерных игр.

6

Популярная американская кукла 1978 г. с растягивающимися руками и ногами.

Гик (англ. geek) – человек, чрезмерно увлеченный чем-либо. В русском языке употребляется преимущественно по отношению к людям, увлеченным технологиями (обычно компьютерными), либо членам какого-либо фэндома.

Купить: https://tellnovel.com/gart-kallahan/zapiski-na-salfetkah-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити